

Дерзис
СМОЛА

Бертрис
СМОЛЛ

Византийская
принцесса

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С51

Серия «Гарем Бертрис Смолл»

Bertrice Small
ADORA

Перевод с английского *Е. Кирилловой*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

Печатается с разрешения Ethan Ellenberg Literary Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Смолл, Бертрис.

С51 Византийская принцесса : [роман] / Бертрис Смолл ;
[пер. с англ. Е. Кирилловой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 384 с. — (Гарем Бертрис Смолл).

ISBN 978-5-17-099880-7

Византийской принцессе Теодоре, рожденной в блеске и роскоши императорского двора, судьба сулила счастье и покой. Однако придворные интриги привели к тому, что ей пришлось стать беглянкой и странствовать по Востоку. Но отважная и умная Теодора не сдастся даже в час самой грозной опасности — и твердо верит, что однажды судьба вновь пошлет ей встречу с тем единственным, кого она любит с детских лет...

Ранее книга выходила в русском переводе под названием «Адора».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-099880-7 © Bertrice Small, 1980, 2007
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ПРОЛОГ

Константинополь

1341—1346

Было раннее утро. Над неподвижными водами залива Золотой Рог рваными серыми клочьями висел туман. Город Константина спал, еще не зная, что император умер.

Из императорского дворца вышел какой-то мужчина и пошел через широкий зеленый парк позади здания сената. Стражники выпустили его беспрепятственно. Этим целеустремленно шагавшим ко дворцу Мангана человеком был не кто иной, как Иоанн Кантакузин, который в течение последних тринадцати лет фактически управлял разваливающейся Византийской империей. У него за спиной остался Андроник III, уже на погребальных носилках. На совести обаятельного красавца Андроника лежала ответственность за смерть его брата, убитого по ошибке, и последовавшую за этим раннюю кончину его отца. Ему пришлось свергнуть с престола разъяренного деда, императора Андроника II, и старик поклялся его убить. Андроник стал императором при полной поддержке и помощи своего очень хорошего друга и одного из самых блестящих умов Византии, Иоанна Кантакузина, но после того как его заветное желание осуществилось, он обнаружил, что охота, празднества и красивые женщины интересуют его гораздо больше, чем нужды государства. И Андроник переложил эти скучные дела на плечи своего надежного друга Иоана Кантакузина, назначив его советником. Вот он и трудился

не покладая рук. Правительство работало исправно. Любое желание императора неукоснительно исполнялось.

Мать императора, Ксения-Мария, и жена, Анна Савойская, относились к Иоанну Кантакузину с недоверием, потому что знали: советник — человек с амбициями, — однако Андроник не желал отстранять от дел друга, который так замечательно ему служил.

Но вот Андроник мертв, а его наследнику едва исполнилось одиннадцать лет. Королевская семья одержала победу над Иоанном Кантакузином — им удалось получить от лежащего на смертном одре Андроника подпись на документе, в котором единоличным регентом малолетнего императора назначалась императрица Анна. Иоанн Кантакузин не собирался допускать, чтобы империей управляла эта мстительная итальянка и ее священники, так что гражданской войны не избежать, однако прежде всего нужно было переправить в безопасное место свою семью. Он знал, что императрица не остановится перед убийством, впрочем, и он, подумал Иоанн с улыбкой.

Старший сын, пятнадцатилетний Иоанн, останется с ним. Шестилетнего Матфея можно будет укрыть в монастыре при церкви Святого Андрея, что близ Пигийских ворот. Женщины — вторая жена Иоанна Зоя, его дочери и племянница, тоже найдут приют в монастырях. Иоанн был уверен, что Анна не посмеет нарушить неприкосновенность церковного убежища.

Первая жена Иоанна, Мария из Бурсы, умерла, когда их старшей дочери Софии едва исполнилось три года, а Иоанну-младшему — пять. Он скорбел по ней год, а потом женился на греческой принцессе Зое из Македонии. Через десять месяцев после свадьбы родилась Елена, которой сейчас было восемь лет, еще через полтора года появился на свет его младший сын, а два года спустя — младшая дочь Теадора, которой сейчас четыре с половиной года. У них были еще близнецы, мальчики, но свирепствовала эпидемия и через год они умерли. Сейчас Зоя опять носила под сердцем ребенка.

Войдя во дворец Мангана, Иоанн сразу направился в свои апартаменты. Его встретил Лео, слуга.

6 — Мой господин, он умер?

— Да, — ответил Иоанн. — Несколько минут назад. Немедленно вези Матфея в монастырь Святого Андрея, а я разбужу жену и девочек.

Иоанн поспешил в женское крыло дворца. При его появлении два евнуха у дверей испуганно встрепенулись — им полагалось стоять на страже, но они задремали на своем посту.

— Дорогая, попрощайся с Матфеем, — сказал Иоанн Зое. — Лео сейчас отвезет его в монастырь Святого Андрея.

На долгие обсуждения времени не было. Иоанн перешел в спальню, которую занимали София и Евдокия, и разбудил дочерей.

— Одевайтесь. Император умер. Вы едете во Влахерны, в монастырь Святой Марии, там вам будет безопасно.

София томно потянулась, при этом ее ночная рубашка сползла набок, и открылась смуглая полная грудь. Девушка отбросила назад черные как вороново крыло волосы и надула алые губки. С каждым днем она все больше становилась похожей на свою мать. Подумалось Иоанну: если уж он не может немедленно выдать дочь замуж, то монастырь для нее — самое лучшее место.

— Ох, отец, ну почему нам надо ехать в монастырь? Если начнется гражданская война, то вокруг будет столько красавцев!

Иоанн не стал тратить время на споры, но от него не укрылся похотливый блеск в ее глазах.

— У вас обеих на сборы пять минут, — сказал он строго и быстро пошел в спальню других девочек.

Здесь он позволил себе немного помедлить, с любовью глядя на спящих младших дочерей. Его любимица Елена, с золотистыми волосами и небесно-голубыми глазами, очень походила на Зою. Придет время, и она выйдет замуж за юного императора, наследника Андроника. Маленькая Теадора спала, засунув пальчик в рот. Сквозь тонкую ткань хлопковой рубашки проступали нежные очертания невинного детского тела. Его загадочная дочь. Иоанн не раз изумлялся, что из всех его детей именно ее отличал быстрый, интуитивный ум. Она едва вышла из младенческого возраста, но казалась намного старше своих лет. Девочка унаследовала тонкие нежные черты своей матери, и со временем превратится в настоящую красавицу.

Ни у кого в их семье не было такого цвета волос и глаз, такой кожи цвета густых сливок, слегка тронутой нежно-розовым румянцем на щеках. Ее темные, как дорогое полированное дерево, волосы на солнце отливали золотом, а необыкновенные глаза, опущенные поразительно густыми темными ресницами с золотистыми кончиками, могли менять цвет от аметистового до темно-лилового. Внезапно Иоанн осознал, что глаза дочери открылись и смотрят прямо на него.

— Папа, что случилось?

Иоанн улыбнулся Теодоре.

— Ничего страшного, детка. Император умер, и вам лучше некоторое время пожить в монастыре Святой Варвары.

— Будет война?

Дочь снова поразила его недетской пронизательностью, и неожиданно для самого себя он ответил прямо и честно:

— Да, Теодора, будет. Анна в последние минуты жизни императора получила его подпись на документе, по которому она единственный регент.

Девочка кивнула и, немного помолчав, сказала:

— Пойду разбуджу Елену. Сколько у нас времени?

— Не много — только на то, чтобы одеться.

Иоанн вышел из комнаты, на ходу качая головой и мысленно поражаясь, как быстро все поняла дочь. Как жаль, что она родилась не мальчиком.

Теодора Кантакузин встала с кровати, спокойно налила в тазик воды, умылась, потом надела поверх сорочки простую зеленую тунуку и натянула на ноги уличные сапожки. Сменив в тазу воду, приготовив другую пару сапожек и розовую тунуку — для сестры, — Теодора позвала:

— Елена! Просыпайся, соня!

Елена открыла прекрасные глаза и недовольно посмотрела на сестру.

— Зачем ты меня разбудила в такую рань? Еще и солнце толком не встало.

— Император умер! Мы с мамой едем в монастырь Святой Варвары. Одевайся скорее, а не то останешься здесь и попадешь в камеру пыток старухи Ксении-

8 Мари!

Елена нехотя поднялась с постели, и заметив, что сестра собирается уйти, воскликнула:

— А ты куда?

— Пойду поищу маму. Елена, не тяни, собирайся быстрее!

Маму Теадора нашла у входа во дворец: она прощалась с Матфеем. С братом, всего на два года старше Теадоры, они всегда были очень близки. Вот и сейчас они обнялись, и Матфей прошептал:

— Теа, я боюсь! Что теперь будет?

— Ничего с нами не случится, — успокоила она брата, подумав: «Какой же он еще совсем робкий, мальчик!» — Отец отправит нас в безопасное место, под защиту церкви, но ненадолго: скоро мы снова будем все вместе. И потом, ты должен радоваться, что наконец сбежишь от нас, женщин.

Подбодренный словами сестры, Матфей снова обнял ее, потом поцеловал мать, сел на коня и поскакал, как взрослый мужчина. Лео поехал следом за ним.

Следующими уезжали София и Евдокия, и, к радости девушек, в сопровождение им дали целый отряд стражников из дворца Кантакузина. Девушки стали прихорашиваться, захихикали, потом принялись нарочно наткаться на молодых солдат, касаясь грудью то мужской спины, то руки. Зоя резко одернула их и приказала вести себя прилично. Девушки посмотрели на мачеху недовольно, но подчинились, потому что уважали: не многие мачехи столь великодушны, и обе это понимали.

Жену и двух младших дочерей Иоанн Кантакузин собирался сопровождать сам. Он поступил мудро, разослав членов своей семьи по разным местам, — так легче скрыть их местонахождение. Монастырь, в котором надлежало укрыться Матфею, находился у западной окраины города, возле Пигийских ворот. Женский монастырь, в который отправил он Софию и Евдокию, располагался в северо-восточной части города, близ ворот Влахерны, а Зоя с самыми младшими будет укрываться в монастыре Святой Варвары на берегу реки Лик, за границами старой стены Константинополя, рядом с пятыми военными воротами.

Иоанн помог беременной жене устроиться в их паланкине вместе с Теадорой и Еленой. Уже почти

рассветло, и первые лучи солнца, просеиваясь сквозь серые, позолоченные по краям облака, отбрасывали радужные блики на воду залива Золотой Рог.

— Ах! — вздохнула Теодора. — Это самый красивый город на свете! Ни за что не хочу жить в другом месте.

Зоя улыбнулась дочери.

— Но, возможно, все-таки придется. Однажды станешь женой принца из какой-нибудь другой страны, и тогда тебе придется отсюда уехать.

— Да я скорее умру, чем уеду! — горячо воскликнула девочка.

Зоя улыбнулась. Пусть Теодора и унаследовала блестящий ум своего отца, но все равно она всего лишь женщина. Рано или поздно она научится с этим смириться. В один прекрасный день она встретит мужчину, и тогда, думала Зоя, происходящее в этом городе уже не будет иметь для нее значения.

Они миновали церковь Святой Феодосии, и хотя это был все еще город, пейзаж вокруг них стал меняться: вместо городских построек они видели вокруг комфортабельные виллы в окружении великолепных ухоженных садов. Вот и мост через Лики. Примерно через милю по грунтовой проселочной дороге они свернули направо и вскоре оказались перед солидными бронзовыми воротами в белой кирпичной стене женского монастыря Святой Варвары.

В приемной их встретила сама настоятельница, преподобная мать Тамара. Иоанн Кантакузин преклонил колени и поцеловал перстень на протянутой ему тонкой аристократической руке, потом обратился с формальной просьбой:

— Прошу у вас убежища на неопределенный срок для моей жены, дочерей и еще не рожденного ребенка.

— Убежище предоставлено, — без всякого выражения ответила настоятельница, высокая, сурового вида женщина.

Иоанн встал, помог Зое сойти с паланкина и представил ее настоятельнице монастыря. При виде детей лицо матери Тамары смягчилось.

— Мои дочери, принцесса Елена и принцесса Теодора, — тихо проговорил Иоанн.

«Вот, значит, как, — подумала монахиня. — Что ж, члены его семьи имеют право на эти титулы, хотя и пользуются ими редко».

Иоанн отвел жену в сторонку, что-то тихонько ей сказал и, нежно поцеловав, повернулся к дочерям.

— Если я принцесса, — сказала Елена, — значит, должна выйти замуж за принца. Правда, папа?

— Девочка моя, ты принцесса, но я надеюсь, что когда-нибудь станешь императрицей.

Голубые глаза Елены стали огромными как блюдца.

— А Теа? Она тоже станет императрицей?

— Мужа для Теадоры я пока не выбрал.

Елена бросила на младшую сестренку победный взгляд.

— Может, стоит выдать ее за турецкого султана? Особенно если ему нравятся фиолетовые глаза!

— Ни за что не стану женой неверного! — возмущенно воскликнула Теадора. — Да и папа никогда не поступит так со мной, зная, что я буду несчастна.

Елена самодовольно улыбнулась.

— Если папа прикажет, никуда ты не денешься. И тогда тебе придется уехать отсюда. Навсегда!

— Если мне все-таки придется выйти за него замуж, — парировала Теадора, — я сделаю так, чтобы он привел сюда армию и захватил наш город. И тогда императрицей стану я, а не ты!

— Елена, Теадора, перестаньте! — мягко пожурела дочерей Зоя, но Иоанн Кантакузин от души рассмеялся и воскликнул, взъерошив волосы Теадоры:

— Птенчик ты мой! Воистину тебе нужно было родиться мальчишкой. Сколько в тебе огня! Какой задор! А уж ум! Твоей логике и мужчина позавидует. Обещаю найти тебе самого лучшего мужа.

Иоанн поцеловал обеих девочек и быстро зашагал к воротам. Покинув святую обитель, он вскочил на коня, помахал жене и дочерям и ускакал, уверенный, что семья в безопасности и можно начинать битву за византийский престол.

Борьба предстояла нелегкая, ведь население Византии разрывалось между Палеологами и Кантакузинами, и те и другие были достойны преданности и уваже-

ния. Кого все-таки поддержит народ: малолетнего сына покойного императора или того, кто многие годы фактически управлял империей? Кроме того, существовало опасение, и фракция Кантакузина его поддерживала, что императрица Анна Савойская намеревается повести Византию обратно к ненавистному Риму.

Иоанн Кантакузин и его старший сын покинули Константинополь, чтобы двинуть свои войска против юного Иоанна Палеолога. Ни одна из противоборствующих сторон не желала вредить любимому городу, поэтому бои должны были происходить за пределами столицы.

Кантакузин предпочитал военным столкновениям дипломатию, но ему не оставили выбора. Его смерти желали сразу две вдовствующие императрицы, и то, что должно было стать быстрой победой, превратилось в войну, затянувшуюся на несколько лет. Переменчивые византийцы то и дело меняли направление своих симпатий, и Иоанн Кантакузин был вынужден обратиться за помощью к туркам Османской империи, занимавшей противоположный берег Мраморного моря. Турецкие наемники в его войске сражались как львы, однако Кантакузин никогда не мог быть уверен, что кто-то из них не переметнется к противнику, если тот заплатит больше. Ему нужна была армия, на которую он мог положиться.

Сторона Палеологов тоже обратилась за помощью к султану Орхану, но, к сожалению, могла предложить только деньги, а султан знал, что императорская казна пуста. Иоанн же Кантакузин предложил золото, которое у него действительно было, форт Цимпа на полуострове Галлиполи и главное — свою дочь Теадору. Если Орхан примет его предложение, турки получат первый опорный пункт в Европе — Цимпу, причем не пролив ни капли крови. Предложение было слишком соблазнительным, чтобы от него отказываться, и султан его принял. В распоряжение Иоанна Кантакузина были переданы шестьсот лучших воинов. Действуя вместе с византийскими войсками, они заняли города на побережье Черного моря, разграбили Фракию и стали серьезной угрозой Адрианополю. Вскоре был осажден и Константинополь, где укрылся юный император.

Теодора, пребывая в безопасности за стенами монастыря Святой Варвары, знать не знала, что скоро выйдет замуж и супруг будет на пятьдесят лет старше ее. Зоя же, которой было известно о договоре супруга, плакала день и ночь из-за того, что ее нежная малышка будет принесена в жертву политике. Она была уверена, что султан помог Иоанну только потому, что хотел заполучить Теодору. Зоя была очень набожной и знала, что церковь хранила память о порочных нравах неверных. Любящей матери даже в голову не приходило, что в действительности султану нужна была Цимпа.

Теодоре со злорадством сообщила новость сестра Елена. Старше Теодоры на четыре года, Елена с золотистыми волосами и прекрасными голубыми глазами казалась сущим ангелочком, но характер у нее был далеко не ангельский. С эгоистичной, тщеславной и жестокой девицей мягкая Зоя, конечно, справиться не могла и влияния на нее не имела.

И вот однажды, когда мать Тамара оставила девочек одних, чтобы освоили новый вид стежков в вышивании, Елена прошептала:

— Знаешь, сестрица, для тебя нашли мужа: станешь третьей женой старого язычника и проведешь всю оставшуюся жизнь взаперти в его гареме, а я... я тем временем буду править Византией.

Сестра расхохоталась, а Теодора в ужасе воскликнула:

— Ты лжешь! Этого не может быть!

— А вот и нет, не лгу, спроси у мамы. Думаешь, почему она в последнее время так часто плачет? Отцу нужны надежные солдаты, и он предложил обменять тебя на войско. Я слышала, что туркам нравится спать не только с девочками, но даже с мальчиками.

Понизив голос, Елена принялась описывать отвратительные извращения. Теодора побледнела и вдруг без чувств упала на пол. Сестра некоторое время с любопытством разглядывала ее, но потом все же позвала на помощь. Когда мать спросила, что стряслось, Елена не моргнув глазом ответила, что понятия не имеет. Впрочем, как только Теодора очнулась, эта ложь быстро открылась. Зоя редко наказывала детей физически, но в этот раз так рас-

сердилась, что надавала Елене пощечин, чтобы сбить спесь с ее самодовольного лица, и приказала слугам:

— Уведите ее отсюда! Заберите от меня, пока я не забила ее до смерти.

Когда они остались одни, Зоя обняла младшую дочь и, укачивая как ребенка, попыталась успокоить.

— Ну-ну, дорогая, не расстраивайся: все не так уж плохо. Теодора всхлипнула.

— Елена сказала, что султану нравится спать с маленькими девочками и что он сделает мне больно, потому что, когда мужчина любит женщину, ей от этого больно, а я же ведь еще не женщина! Значит, мне будет еще хуже. Мама, я наверняка умру!

— Теа, твоя сестра не только жестокая, но еще и глупая, к тому же ничего толком не знает. Да, ты должна выйти замуж за султана Орхана, потому что твоему отцу нужна помощь. Послужить своей семье, вступив в выгодный брак, — это почетная обязанность принцессы. Какую еще пользу может принести женщина? Однако твой отец договорился с султаном, что ты не будешь жить в его доме до тех пор, пока не повзрослеешь. Если повезет, Орхан к тому времени умрет, и тогда ты вернешься домой и выйдешь замуж за доброго христианина. А до тех пор ты будешь жить в собственном доме за стенами монастыря Святой Екатерины в Бурсе. Твое пребывание там станет гарантией помощи Орхана твоему отцу.

Девочка шмыгнула носом и, теснее прильнув к матери, попросила:

— Мама, пожалуйста, не заставляй меня уезжать. Уж лучше я стану монахиней и останусь здесь, в монастыре.

— Девочка моя! — воскликнула Зоя так громко, что Теодора, вздрогнув, испуганно посмотрела на мать. — Ты что, не слышала ни слова из того, что я тебе только что сказала? Ты Теодора Кантакузин, принцесса Византии, и твой долг — служить своей семье, не забывай об этом. Никогда! Выполнять свой долг не всегда приятно, но именно это отличает нас от простолюдинов, которые живут только для того, чтобы удовлетворять свои примитивные желания.

А ты, дорогая, не имеешь права уклоняться от исполнения своего долга.

— Когда нужно ехать? — спокойно спросила девочка.

— Сейчас твой отец занят: руководит осадой города. Как только Константинополь будет взят, мы решим.

Но взять город оказалось вовсе не легко. Со стороны суши за рвом шириной шесть футов и глубиной двадцать два высились три ряда стен в двадцать пять футов толщиной. Обычно ров оставался сухим, но во время осады его заполняли водой из нескольких труб. Первая стена — более низкая — служила защитой лучникам; следующая за ней возвышалась над вторым уровнем на двадцать семь футов и могла служить укрытием целому войску, а за ней стоял третий бастион, самый мощный. В башнях высотой футов семьдесят находились лучники, стояли машины для метания греческого огня и катапульты. Со стороны моря Константинополь защищала одна-единственная стена. При башнях, построенных через одинаковые промежутки, имелось семь гаваней. Поперек залива Золотой Рог была натянута толстая цепь, чтобы в залив не заходили корабли нежелательных гостей. Два предместья Константинополя на противоположном берегу, Галата и Пера, тоже были защищены мощными стенами.

Осада города длилась целый год, и весь этот год ворота Константинополя оставались закрытыми для Иоанна Кантакузина, хотя присутствие его армии под стенами города на суше и турецкого флота со стороны моря, напротив гаваней, начинало сказываться. В городе подходили к концу запасы продовольствия и других жизненно важных товаров. Кантакузин обнаружил источник, питавший главные акведуки города, и направил воду в другую сторону, так что столица оказалась еще и обезвоженной.

Потом в Константинополе началась чума. Новорожденная Зои Кантакузин, девочка, родившаяся в монастыре, умерла. Испугавшись, что Теадора тоже может умереть, и тогда он лишится помощи султана, Иоанн Кантакузин устроил жене и двум младшим дочерям побег из города. В женском монастыре Святой Варвары об этом знали всего двое: настоятельница мать Тамара и молодая монахиня, дежурившая у ворот. Бежать решили в первую же безлунную ночь. По счастливой случайности в ту ночь еще и буря разыгралась.